

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б88

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *Н. Жутовской*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Бронте, Эмили.

Б88 Грозовой перевал : [роман] / Эмили Бронте ; [перевод с английского Н. Жутовской]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-127202-9

«Грозовой перевал» Эмили Бронте — не просто золотая классика мировой литературы, но роман, перевернувший в свое время представления о романтической прозе. Проходят годы и десятилетия, но история бурной, страстной, трагической любви Хитклифа и Кэти по-прежнему не поддается ходу времени. «Грозovým перевалом» зачитывались уже много поколений женщин — продолжают зачитываться и сейчас. Эта книга не стареет, как не стареет истинная любовь...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-127202-9

© Перевод. Н. Жутовская, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

1801 год. Я только что воротился после визита к своему домовладельцу, проживающему по соседству, — единственному человеку, кто мог бы нарушить мой покой. Здешние места поистине чудесны. Во всей Англии, пожалуй, не сыщешь пристанища, столь удаленного от светской суеты. Рай для мизантропа. Мы же с мистером Хитклифом, похоже, идеально подходим для того, чтобы разделить меж собою этот заброшенный уголок. Славный малый! Едва ли он догадался о пробудившейся во мне симпатии в тот момент, как я, подъехав к нему верхом, заметил, что при моем появлении он спрятал свои черные глаза под насупленными бровями, а при звуке моего имени упрямым жестом засунул пальцы глубже за борт жилета.

— Мистер Хитклиф? — спросил я.

В ответ он лишь кивнул.

— Мистер Локвуд, ваш новый жилец, сэр, — представился я. — Почел за честь посетить вас сразу же по приезде и выразить надежду, что не причинил вам неудобств своими настойчивыми просьбами поселиться в поместье «Дрозды». Вчера я слышал, что у вас были некоторые сомнения...

— «Дрозды» — моя собственность, — поморщившись, прервал он меня. — И если таковое в моих силах, я не допущу никаких неудобств, от кого бы они ни исходили. Прошу!

«Прошу» было произнесено сквозь стиснутые зубы и прозвучало скорее как «Пошел ты к черту». Даже ворота, которые он толкнул, не пожелали отворяться. Подобные обстоятельства заставили меня сие приглашение принять. Я почувствовал интерес к человеку, который показался мне еще более замкнутым, чем я сам.

Заметив, что моя лошадь почти уперлась грудью в ворота, он все-таки снял с них цепь и с мрачным видом пошел впереди по мощеной дорожке. Во дворе он крикнул:

— Джозеф, возьми коня у мистера Локвуда и принеси нам вина.

«Похоже, один человек заменяет здесь всю прислугу, — подумал я, услышав столь разные распоряжения. — Неудивительно, что плиты на дорожке заросли травой, а живую изгородь подравнивают овцы».

Джозеф оказался пожилым — нет, старым человеком, быть может, даже очень старым, хотя с виду жилистым и крепким. «Помоги нам, Господь!» — пробормотал он себе под нос с брюзгливым неудовольствием, забрав мою лошадь и посмотрев мне в лицо с такою кислую миною, что я великодушно решил объяснить его восклицание необходимостью получить Божью помощь для переваривания обеда, а не в связи с моим неожиданным появлением.

Жилище мистера Хитклифа зовется «Грозовой перевал»*, что указывает на бурные атмосферные вол-

* Строго говоря, название фермы и всего романа следовало бы перевести как «Грозовые холмы», поскольку в данной местности нет высоких гор и, следовательно, перевалов. Значение английского слова «heights» — именно «холмы, возвышенная местность». Однако было принято решение сохранить не вполне точное, но ставшее традиционным название «Грозовой перевал». — *Здесь и далее примечания переводчика.*

нения, присущие этим местам. Похоже, тут действительно постоянно дуют пронизывающие северные ветры, о силе коих можно догадаться по неестественному наклону низкорослых елей у задней стены дома и чахлым кустам терновника, тянущимся ветвями в одну сторону, будто выпрашивая милостыню у солнца. К счастью, архитектор оказался предусмотрителен и построил дом на совесть: узкие окна были упрятаны глубоко в стены, а углы здания защищены крупными, выступающими из кладки камнями.

На пороге я приостановился, с удовольствием отметив причудливый резной орнамент, щедро украшающий фасад, особенно вокруг парадной двери, над коей среди множества потрескавшихся грифонов и бесстыдных мальчиков мне удалось разглядеть год «1500» и имя «Гэртон Эрншо». Я мог бы кое-что заметить по этому поводу и даже хотел попросить угрюмого хозяина вкратце поведать мне историю его обиталища, но тот, остановившись в дверях, дал ясно понять, что нужно либо входить не мешкая, либо убираться восвояси, а у меня не было желания испытывать его терпение, прежде чем я увижу внутренние помещения.

Сделав шаг, мы сразу оказались в гостиной, перед которой не было ни прихожей, ни коридора. Примечательно, что в здешних местах эта комната зовется «домом». Обыкновенно такой «дом» служит одновременно и кухней, и гостиной, но, как видно, в «Грозовом перевале» кухне пришлось ретироваться в глубь здания — во всяком случае, гул голосов и звон посуды доносились откуда-то издалека, и я не заметил никаких признаков того, что в огромном очаге гостиной что-нибудь жарилось, варилось или выпекалось, да и на стенах не поблескивали ни медные кастрюли, ни жестяные дуршлагы. Свет и жар, впрочем, сосре-

доточились в другом конце помещения, где к самой крыше поднимались дубовые полки поместительного посудного шкафа с большими оловянными блюдами вперемежку с серебряными кувшинами и высокими кружками. Крыша была как на ладони: любопытному взору открывалась вся ее анатомия, кроме тех мест, где крепились деревянные рамы с привязанными к ним овсяными лепешками и говяжьими, бараными и свиными окороками. Над камином висели старинные ружья жутковатого вида, а также пара кавалерийских седельных пистолетов. В качестве украшения на каминной полке были расставлены ярко раскрашенные жестяные коробочки. На полу, покрытом ровными белыми плитами, стояли грубо сколоченные стулья с высокими спинками, крашенные зеленой краской. В тени прятались еще два тяжелых стула черного цвета. В нише под посудным шкафом примостилась крупная темно-каштановая сука с выводком визжащих щенков-пойнтеров. Остальные уголки гостиной заполнили другие собаки.

Комната и обстановка не показались бы особенными, принадлежи они простоватому северному фермеру, как правило, упряму по натуре, с мускулистыми ногами, выгодно подчеркнутыми короткими штанами и гетрами. Такой детина, сидящий в кресле за круглым столом с кружкой пенного эля, встретится вам где угодно на пять-шесть миль вокруг среди окрестных холмов, если надумаете после обеда заглянуть в его жилище. Но мистер Хитклиф с виду никак не соответствует ни своему обиталищу, ни образу жизни. Смуглым лицом он похож на цыгана, а манерами и платьем — на джентльмена, точнее, на обычного деревенского сквайра, каких много. Быть может, он несколько неряшлив, однако его неухоженность едва ли дурного свойства,

ибо он статен, держится прямо. И весьма мрачен. Возможно, кто-то заподозрит в нем спесивость, не свойственную людям воспитанным, но некое внутреннее расположение к этому человеку подсказывает мне, что дело идет о другом. Мое чутье говорит, что его замкнутость происходит из отвращения к проявлению показных чувств и выражению ответного добросердечия. И любить, и ненавидеть он будет в равной мере скрытно и сочтет дерзостью, ежели кто-то его полюбит или возненавидит. Но нет, я слишком забегаю вперед. И чересчур вольно приписываю ему свои собственные свойства. У мистера Хитклифа могут быть совершенно иные причины избегать рукопожатия при встрече с человеком, желающим с ним познакомиться, чем те, что руководят мною. Смею надеяться, что мой душевный склад неповторим. Милая моя матушка говаривала, что домашний уют не для меня, и как раз этим летом я на деле доказал, что вовсе его недостоин.

Наслаждаясь целый месяц прекрасной погодой на побережье, я неожиданно очутился в обществе одного восхитительнейшего создания — богини, как чудилось мне до тех пор, пока она не удостоила меня своим вниманием. Я не «выражал нахлынувших чувств» словами, однако взгляды, которые человек бросает на предмет своего обожания, и без того говорят о многом, и даже законченный глупец догадался бы, что я безумно влюблен. Наконец она меня поняла и послала мне ответный взгляд — такой нежный, что невозможно описать. И что я сделал? Стыдно признаться — с ледяным видом ушел в себя, точно улитка в раковину. И с каждым новым ответным взглядом я делался все холоднее и отстраненнее, пока невинная бедняжка в конце концов не усомнилась в собственных ощущениях и, объятая смущением из-за предполагаемой ошибки, не упро-

сила маменьку удалиться. По причине столь странной смены настроения я прослыл человеком расчетливым и бессердечным, и только мне одному ведомо, как это было несправедливо.

Я уселся по другую сторону камина, напротив того места, куда направился мой хозяин, и, дабы заполнить паузу, попытался приласкать суку, которая, оставив свой выводок, словно волчица, подбиралась сзади к моим ногам: ее губа уже потихоньку поползла вверх, а белые клыки готовы были впиться мне в ляжку. На мою ласку она отреагировала долгим гортанным рычанием.

— Оставьте собаку в покое, — в унисон с ней рявкнул мистер Хитклиф и пнул животное, желая пресечь более яростное проявление агрессии. — Нечего ее баловать, это вам не комнатная собачонка. — Затем, широким шагом подойдя к боковой двери, позвал: — Джозеф!

Джозеф что-то пробормотал из глубины подвала, но никаких признаков того, что он поднимется, не последовало, поэтому хозяин спустился к нему, оставив меня наедине с проклятой сукой и парочкой злобных лохматых овчарок, которые вместе с ней пристально следили за каждым моим движением. Не испытывая желания ощутить на себе ярость их клыков, я сидел не шевелясь. Но решив, что собаки вряд ли воспримут немые оскорбления, я, на свою беду, принялся кривляться и строить рожи этой троице, и в какой-то миг моя скорченная в гримасе физиономия так рассердила мамашу маленьких пойнтеров, что она, расшвиравшись, прыгнула мне на колени. Я отшвырнул ее и быстро придвинул стол, дабы отгородиться. Поднялся страшный гвалт. С полудюжины ее четвероногих собратьев разных размеров и возрастов выскочили из укрытий

в центр комнаты и бросились ко мне, норовя схватить за пятки или вцепиться в фалды. Отбиваясь кочергой от самых крупных из нападавших, я действовал весьма решительно, однако все же был вынужден громогласно просить о помощи кого-нибудь из домочадцев в надежде утихомирить эту свору.

Мистер Хитклиф и его слуга поднимались из погребя, ничуть не торопясь, словно нарочно: они двигались ни на секунду не быстрее обыкновенного, даром что у камина царила суматоха с возней и тьякньем. К великому счастью, одна из кухарок проявила большее проворство. Эта пышная особа с подоткнутым подолом, засученными рукавами и раскрасневшимися от кухонного жара щеками бросилась, размахивая сковородой, в самую гущу боя. Благодаря ее грозному оружию и крику буря волшебным образом улеглась. Кухарка одна стояла посреди комнаты, и ее грудь все еще вздымалась, словно морские волны после шторма, когда на сцене появился хозяин.

— Что за чертовщина? — спросил он, посмотрев на меня. Я же едва смог сдержаться после столь негостеприимного приема.

— И вправду, что за чертовщина? — пробормотал я. — Ваши зверюги, сэ, ведут себя точно стадо одержимых бесами свиней. Вы, как видно, готовы запросто оставить своего гостя посреди тигров!

— Если человек ничего не трогает, они не нападают, — заметил он, передвинув на место стол и поставив передо мною бутылку. — Собаки ведут себя как должно — они ведь сторожевые. Бокал вина?

— Нет, благодарю.

— Вас не покусали?

— Если бы покусали, я бы отметил покусавшего своей печатью.

Хитклиф смягчился, и на лице его появилась усмешка.

— Ну-ну, — сказал он. — Вы слишком взволнованы, мистер Локвуд. Вот, выпейте вина. В этом доме так редко бывают гости, что мы с моими собаками уж и не помним, как их положено принимать. За ваше здоровье, сэр!

— И за ваше! — поклонившись, ответил я.

Мне подумалось, что глупо сидеть с мрачным видом из-за своры каких-то шавок, а кроме того, у меня не было охоты давать этому господину повод развлечься за мой счет, раз уж у него такой характер. Хитклиф же стал менее суров — возможно, следуя благоразумному соображению, что нелепо обижать достойного жильца, — и заговорил по-свойски, рублеными фразами, выбрасывая местоимения и глагольные связки. Тему он выбрал, как ему представлялось, для меня интересную: о преимуществах и недостатках моего теперешнего места обитания. Он показался мне человеком рассудительным в этих делах, и прежде чем направиться домой, я поведал ему о намерении нанести еще один визит на следующий день. Впрочем, похоже, это пришлось ему явно не по душе. Но я все равно явлюсь. Поразительно, каким общительным кажусь я сам себе по сравнению с ним!

Глава 2

Вчерашний день выдался холодным и туманным. Я было решил провести его в кабинете у камина вместо того, чтобы пробираться по грязи и болоту к «Грозовому перевалу». А потому после обеда отправился наверх (кстати, обедаю я между двенадцатью и часом. Ключница, степенная матрона, доставшаяся мне вме-

сте с жилищем, не смогла, да и не пожелала понять мою просьбу подавать обед в пять) и, поднявшись по лестнице с этим продиктованным леностью намерением, я вошел в свою комнату. Там молоденькая служанка, стоя на коленях среди щеток и ящиков с углем, поднимала клубы адского дыма и пепла — она пыталась загасить пламя, навалив на него кучу золы. Сцена эта заставила меня немедленно повернуть назад. Я взял шляпу и, прошагав четыре мили, очутился у садовых ворот Хитклифа как раз в тот момент, когда с неба хлопьями повалил снег.

На открытом всем ветрам холме черная земля успела затвердеть от мороза, а сам я трясся от холода. С цепью на воротах совладать мне не удалось, поэтому, перепрыгнув через забор, я побежал к дому по мощенной плитами дорожке, вдоль коей были посажены редкие кусты крыжовника. Тщетно стучался я в дверь, пока у меня не занемели костяшки пальцев. Из дома доносился лишь вой собак.

«Проклятие этому дому! — про себя восклицал я. — Вас надобно навечно изолировать от вас подобных за мрачность и злобу. Уж днем-то можно не запираеть дверь! Но ничего, я все равно войду!» Исполнившись решимости, я схватился за щеколду и затряс ее что есть силы. Из круглого окошка сарая высунулась кислая, как уксус, физиономия Джозефа.

— Вам чего надо? — закричал он. — Хозяин там, в овчарне. Идите в конец сада, коли желаете поговорить.

— Неужели в доме никто не может мне открыть? — крикнул я в ответ.

— Никто. Там токмо одна хозяйка. Но она не откроеет, хоть вопите тут до ночи.

— Почему, Джозеф? Разве вы не можете сказать ей, кто я?

— Нет уж! Мое дело — сторона, — пробормотал он, и голова его скрылась.

Снег валил все сильнее. Я ухватился за ручку двери и повторил попытку проникнуть внутрь. В это время на заднем дворе появился молодой человек без плаща и с вилами на плече. Он сделал мне знак следовать за ним, и, миновав прачечную и мощеный участок, на котором разместились угольный сарай, водокачка и голубятня, мы наконец оказались в просторной и теплой гостиной, где меня принимали накануне. Комната была озарена веселым светом пылавшего в камине огня, на растопку которого пошли уголь, торф и дрова, а у стола, обильно накрытого к ужину, я с удовольствием заметил «хозяйку», о чьем существовании до этого даже не подозревал. Поклонившись, я ждал, что она предложит мне сесть. Но она лишь глядела на меня и, откинувшись на спинку стула, сидела неподвижно и молчала.

— Ужасная погода! — заметил я. — Боюсь, миссис Хитклиф, на входной двери остались отметины из-за нерасторопности вашей прислуги. Мне пришлось очень постараться, чтобы меня услышали.

Она не разомкнула губ. Я смотрел на нее, а она на меня. Взгляд у нее был холодный и безразличный, все более вызывавший у меня чувство неловкости и неприязни.

— Садитесь, — буркнул молодой человек. — Он скоро придет.

Я послушался и, прокашлявшись, подозвал Юнону, которая на этот раз соизволила чуть шевельнуть кончиком хвоста в знак нашего знакомства.

— Красивое животное! — вновь заговорил я. — Вы собираетесь раздать щенков, мадам?

— Они не мои, — отвечала сия милая хозяйка в еще более отталкивающей манере, чем позволял себе Хитклиф.

— Так, значит, ваши любимцы там! — догадался я, повернувшись к скрытой тению подстилке, на которой лежали какие-то животные, кажется, кошки.

— Странный выбор любимцев! — с издевкой в голосе проговорила она.

К несчастью, оказалось, что за кошек я принял битых кроликов. Снова кашлянув, я придвинулся ближе к огню и повторил что-то про ужасный вечер.

— Вам не следовало выходить из дома, — сказала она, поднявшись, и потянулась к двум раскрашенным коробочкам на каминной полке.

До этого жеста хозяйку скрывала тень, теперь же мне стали хорошо видны ее фигура и лицо. Она оказалась изящной, прекрасно сложенной и совсем юной. У нее были очаровательное личико с мелкими чертами и белой кожей, соломенные, нет, скорее, золотистые кудряшки, рассыпавшиеся по нежной шее. А глаза... если бы они излучали приветливость, перед их взглядом трудно было бы устоять. К счастью для моего чувствительного сердца, они выказывали лишь презрение, временами переходившее в нечто похожее на отчаяние, — эмоции, которые удивительно было наблюдать у столь юного создания.

Миссис Хитклиф едва ли могла достать до коробочек, и я, желая прийти на помощь, сделал шаг в ее сторону, но она обернулась ко мне, словно скупец, которому предложили помочь пересчитать его золото.

— Не мешайте, — огрызнулась она. — Я и сама до стану.

— Прошу прощения, — промолвил я поспешно.

— Вы приглашены на чай? — спросила она, держа ложку с чайным листом над заварочным чайником, после того как надела передник поверх скромного черного платья.

— С удовольствием выпил бы чашечку.
— Вы приглашены? — повторила она свой вопрос.
— Нет, — едва улыбнувшись, ответил я. — Однако ж вы могли бы меня пригласить.

Она швырнула коробочку с чаем и ложку назад, на полку, и вновь уселась на стул в дурном расположении духа, нахмутив лоб и выпятив алую нижнюю губку, точно дитя, готовое расплакаться.

Тем временем молодой человек накиннул на плечи что-то весьма поношенное и, встав у огня, краем глаза следил за мною с таким видом, будто меж нами давно идет смертельная вражда. Я засомневался, слуга ли он в самом деле. Речь его и одежда были грубы и никак не предполагали высокого положения, явно занимаемого мистером и миссис Хитклиф. У парня были выющиеся каштановые волосы, густые и неухоженные, мохнатые бакенбарды, торчавшие во все стороны, загорелые руки, как у простого работника, который много трудится на свежем воздухе. Но держался он свободно, почти высокомерно, и не проявлял должной почтительности по отношению к хозяйке. При отсутствии каких бы то ни было указаний на его место в доме я решил не обращать внимания на столь странное поведение, и через пять минут появление Хитклифа в какой-то мере избавило меня от этой неловкости.

— Вот видите, сэр, я пришел, как и обещал, — веселым голосом начал я. — И боюсь, из-за ненастья придется мне пробыть у вас с полчаса, если вы согласитесь предоставить мне убежище.

— С полчаса? — спросил Хитклиф, стряхивая с одежды снежные хлопья. — Как вам только в голову пришло отправиться гулять в такую метель? Вы понимаете, что можете заплутать на пустоши? В такие вечера даже местные жители сбиваются с пути. И уве-

ряю вас, пока никаких изменений в погоде не предвидится.

— А не мог бы я взять провожатого из ваших работников? Он бы довел меня до «Дроздов» и переночевал там. Вы не отпустите со мною кого-нибудь?

— Нет, не отпущу.

— Ах вот как! Что ж, значит, придется мне рассчитывать на собственные силы.

— Хм! Мы сегодня собираемся пить чай? — спросил Хитклиф у молодого человека в поношенном платье, переведшего свой свирепый взгляд с меня на юную хозяйку.

— А ему наливать? — спросила она у Хитклифа.

— Приготовь чай, понятно? — последовал ответ, и слова эти были наполнены такою злобою, что я содрогнулся. Тон его голоса говорил о натуре поистине скверной. Мой язык уже не повернулся бы назвать Хитклифа славным малым.

Когда приготовления закончились, он пригласил меня к столу:

— Ну, сэр, придвиньте свой стул.

Все мы, включая ершистого юношу, сели вокруг стола и принялись за еду в суровом молчании.

Мне подумалось, что коли уж я нагнал эту черную тучу, то мой долг постараться ее рассеять. Не могут же они каждый божий день сидеть с таким угрюмым и хмурым видом! Каким бы скверным характером ни наделила их природа, невозможно, чтобы они постоянно пребывали в столь мрачном настроении.

— Удивительно, — начал я, быстро выпив одну чашку и ожидая, когда мне нальют другую, — как обычай влияет на наши вкусы и мысли. Немногие предположили бы существование счастливой жизни в такой удаленности от мира, как здесь, мистер Хитклиф. Од-